

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР

1987

Часть III

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
(к 30-летию ЛО ИВ АН СССР)
II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

СЕЛИВАНОВА ТАМАРА ПЕТРОВНА (с 1976)

к.и.н. - 1985: Социально-экономический строй средневекового Кашмира (по данным "Раджатарангини" Кальханы, XII в.).

СМИРНОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА (1959-1964)

ТЕМЖИН ЭДУАРД НАУМОВИЧ (с 1957)

к.ф.н. - 1973: Бхамача. Трактат об искусстве словесности (вопросы датировки памятника и мировоззрения автора).

ТИХОМИРОВА см. САВЕЛЬЕВА.

ЧИЛИКОВА КСЕНИЯ ЛЕОНИДОВНА (с 1957)

ЭРМАН ВЛАДИМИР ГАНСОВИЧ (1956-1962)

И.Т.Зюграф

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ЛО ИВ АН СССР

С созданием Ленинградского отделения Института востоковедения совпало рождение уникального в отечественной синологии направления - истории китайского языка. Определил это направление исследований С.Е.Яхонтов, в конце 1950-х - начале 1960-х гг. подготовивший через аспирантуру двух специализировавшихся в этой области научных сотрудников - И.С.Гуревич и И.Т.Зюграф, - и продолжавший впоследствии уделять внимание их дальнейшей работе.

Тем самым был заполнен существующий в науке пробел, и история китайского языка заняла свое место в ряду других отраслей отечественного лингвистического китаеведения, таких как лексикология (вылившаяся в создание 4-х томного китайско-русского словаря, вышедшего в свет в 1983-1984 гг.), теоретическая грамматика современного китайского языка, типология изолирующих языков, социолингвистика, диалектология, разработкой которых заняты сотрудники различных научных учреждений Москвы и Ленинградского университета.

Основная задача, стоящая перед историками китайского языка, состояла в анализе процесса развития китайского языка прежде всего в ту эпоху, которая лежит между древнекитайским языком и современным китайским. Этот период, в целом условно называемый среднекитайским, до последнего времени оставался наименее изученным. Вместе с тем он чрезвычайно богато представлен сохранившимися письменными источниками, различными как по жанровым, так и по

локальным признакам; это, в частности, ранние переводы на китайский язык произведений буддийской литературы, бяньвэнь, танские и сунские юйлу (наиболее известные – юйлу Чжу Си), сунская песенно-повествовательная литература, ваньская драма (северные и южные пьесы), многочисленные рассказы и, наконец, роман "Шуй ху чжуань" и историческая хроника "Дань-чао би-ши".

При исследовании китайского языка периодов Лючао, Тан и Сун основное внимание уделялось выявлению текстов, наиболее близких к разговорному языку соответствующих эпох, и всесторонней лингвистической интерпретации этих текстов, поскольку задача исследования формулировалась как изучение хода формирования нового литературного языка (байхуа), опирающегося на разговорную норму. Известно, сколь разнородной в языковом отношении была в это время китайская литература. В частности, для эпохи Сун можно установить наличие трех типов памятников: а) написанных на разговорном языке своей эпохи (хуабэнь), б) написанных на древнекитайском языке (гувэнь) и в) таких, в которых сочетаются элементы того и другого языков (сунские юйлу) /19, 53/. Танские тексты написаны либо на смешанном языке (бяньвэнь), либо на вэньяне (танская новелла) /19, 53–54/; наиболее "разговорными" для этого времени оказываются танские юйлу, обнаруживающие самый низкий процент заимствований из вэньяня /21; 23; 5/. Говоря о "разговорных" (в той или иной степени) текстах эпохи Тан – бяньвэнях и юйлу, – следует отметить два момента. Первый заключается в том, что изучение обоих текстов сопряжено с особыми трудностями, связанными с пониманием текста: в бяньвэнях наряду с обычными используются и необычные служебные слова, не зафиксированные в классических китайских справочниках и словарях; кроме того, здесь присутствуют и чисто текстологические трудности – множество ошибок и разночтений /9, 91/; текст же юйлу труден в первую очередь в силу его стилистических особенностей /3/. Второй касается места этих текстов в истории китайского языка. Дело в том, что многие разговорные формы, распространенные в них, оказались узкоспецифичны, они не были восприняты разговорным языком последующей эпохи /9/. Для периода Лючао главным источником послужили переводы на китайский язык сюжетных произведений буддийской литературы; язык этих переводов ближе к разговорному языку, чем язык всех других памятников, созданных в этот период /6/.

Эпоха Дань, помимо основной проблемы, состоящей, как сказано выше, в отборе наиболее репрезентативных памятников разговорного языка, ставит и новые, связанные с влиянием монгольского язы-

ка на китайский. Языковая ситуация в Китае в эпоху Дань была осложнена завоеванием Китая монголами, приведшим к тому, что в административной сфере стали использоваться два языка – монгольский и китайский. Функции каждого из этих языков и формы их взаимодействия определялись социальными и культурными различиями между завоевателями и покоренным населением.

О результатах влияния монгольского языка на китайский нам позволяют судить следующие группы памятников разговорного языка этой эпохи: а) повествовательная литература (наиболее значительным памятником этого жанра является роман "Шуй ху чуань"), б) многочисленные драматические произведения, в) поэтические произведения, г) документы, переведенные с монгольского, д) "Дань-чао би-ши" (начало Мин).

Что касается оригинальной китайской литературы, то здесь это влияние сводится только к лексической интерференции, и различия между отдельными текстами могут касаться лишь степени ее интенсивности. Например, в романе "Шуй ху чуань", созданном на юге, монголизмы вообще не отмечены. Многочисленные северные драматические произведения содержат единичные заимствования. Вообще в этом плане китайская литература юаньской эпохи достаточно однородна, хотя на общем ровном фоне наблюдаются исключения. Таким исключением служат гибридные китайско-монгольские тексты, включенные в поэтическую антологию "Цы линь чжэ янь". Эти тексты изобилуют монголизмами до такой степени, что понимание их крайне затруднено /22, 581-584; I3, 43-46/.

Язык перевода "Дань-чао би-ши" более существенно отличается от языка оригинальных китайских текстов, но и он в высшей степени "китаизован" /I3, 88-90/.

По-настоящему серьезное структурное влияние монгольского языка на китайский обнаруживается лишь в официальных документах, переведенных с монгольского. Здесь оно сказалось не только в лексике, но и в грамматике (главным образом в синтаксисе). Результаты его тем более интересны, что в контакт вступили языки, и не связанные генетически и несходные по своему строю. Конечно, процесс "монголизации" китайского не был естественным, он осуществлялся насильственным путем – не случайно в такой форме он затронул только официальные документы, то есть ту область письменного творчества, которая была целиком "подвластна" монгольским правителям. Однако это не снижает интереса к данному явлению, а скорее его повышает – налицо пример языковой интерференции, вызванной законодательными актами, установившими социальную иерар-

хию языков завоевателей и покоренных. При всей своей искусственности такой "интерферированный" китайский язык должен был быть понятен китайцам – ведь документы этого рода, высекавшиеся на каменных стелах в буддийских и даосских монастырях, адресовались китаеязычному местному населению. В противном случае само появление таких надписей, имевших широкое распространение в течение всей монгольской династии, лишается смысла. Изучение этих надписей, ценных высокой своей аутентичностью и отразивших своеобразную, монголизированную форму разговорного китайского языка, выявление и систематизация закономерных отклонений от нормы китайского позволили не только дать грамматическое описание этой его разновидности, но и внести некоторые уточнения в чтение надписей, ранее предлагавшееся различными исследователями /13/.

При описании любого из перечисленных выше периодов помимо основного источника, на котором строилось описание, привлекались и дополнительные, близкие хронологически к основному, но отличающиеся по жанру; это давало возможность проследить, являются ли грамматические явления, зафиксированные в основном источнике, общими для памятников этого периода в целом или они составляют специфику какого-либо жанра литературы. Так, при исследовании языка III–V вв. в дополнение к основным текстам – переводам на китайский язык произведений буддийской литературы – были использованы "Суэнь шэнь цзи" (Гань Бао, IV в.) и "Ши шо синь юй" (Лю Ицин, V в.) /6/; для языка IX–X вв. в дополнение к дунхуанским бьяньвэням /2/ привлекались танские юйлу (в описании А. Масперо и Гао Мин-кая /21; 23/); при изучении языка XII–XIV вв., строившемся на сунских хуабэнях, романе "Шуй ху чуань" и юаньских цзачэюй /12/, чрезвычайно полезным оказалось обращение к тексту "Дань-чао би-ши". Поскольку северный диалект юаньской эпохи в китайской литературе представлен только жанром драмы, данные "Дань-чао би-ши", отражающего именно разговорный язык, да еще в его упрощенном виде, были особенно важными в тех случаях, когда рассматривались грамматические явления, составляющие специфику северных памятников. Своеобразие "Дань-чао би-ши" обусловлено тем, что он, как известно, носит переводной характер, а это не могло не сказаться на его грамматическом строе. В результате для каждого периода в истории китайского языка были обследованы и изучены целые группы наиболее репрезентативных текстов.

Выполненные к настоящему времени описания трех важных периодов (III–V вв., IX–X вв. и XII–XIV вв.) позволили составить представление об основных процессах в развитии китайского языка

за достаточно протяженный отрезок времени (более тысячелетия), установить взаимосвязь между явлениями, казавшимися на первый взгляд изолированными, дать многим из них историческое объяснение.

При изучении языка предшествующих эпох особого внимания заслуживают грамматические элементы, сохранившиеся и в современном языке. Очень часто такие грамматические элементы в текстах предшествующих эпох и в современном языке различаются либо значением, либо объемом грамматических функций. Нередко тот или иной грамматический элемент еще не имеет всех тех функций, которые присущи ему в современном языке, либо, наоборот, ему свойственны добавочные, не сохранившиеся в современном языке, функции. Поэтому подход к старым текстам с позиций современного состояния языка неизбежно приводит к вульгаризации содержания таких грамматических форм.

Детальное изучение эволюции китайского языка за названный промежуток времени позволило внести некоторые изменения в существующую периодизацию его истории. Так, состояние языка эпохи Лючао (точнее, III—V вв.) в предшествующей литературе (см., например, Ван Ли, Опыт истории китайского языка) рассматривалось как переходное от древнекитайского к среднекитайскому без какой-либо характерной специфики. Оказалось, однако, что ряд присущих языку III—V вв. грамматических особенностей (в частности, система временных показателей, ставящихся перед глаголом, особые значения некоторых предлогов и наречий, особый способ образования условного придаточного предложения с помощью морфемы *чжэ* и т.д.) дают достаточно оснований для обособления этого состояния, выделения его в отдельный период истории китайского языка (6, 239—243). Проведенные исследования позволяют по-новому определить и хронологические рамки собственно среднекитайского языка. Б.Карлгрен называет среднекитайским язык эпох Тан и Сун. У А.Масперо этот период охватывает язык от эпохи Лючао по эпоху Сун, с делением на два подпериода. Эти две периодизации основаны на фонетических данных. Для Ван Ли, учитывающего и фонетические, и грамматические признаки, среднекитайский язык начинается с IV века и кончается XII веком. Основываясь на грамматических критериях, мы принимаем в качестве среднекитайского языка в собственном смысле язык эпох Сун (точнее, Южная Сун) и Динь, то есть XII—XIV вв. Язык эпохи Тан, который безусловно ближе к среднекитайскому, нежели к древнекитайскому, может рассматриваться либо как переходный от древнекитайского к среднекитайскому, либо как раннее состояние среднекитайского, но во всяком случае он достаточно серьезно отличается

от языка эпох Сун и Дань, и в среднекитайский в собственном смысле нами не включается (12, 303-304).

Исследование среднекитайского языка открывает определенные возможности и в области изучения исторической диалектологии. В период Сун и Дань произведения художественной литературы на байхуа обнаруживают локальные расхождения в системе грамматических признаков. Северная и южная группы памятников представляют два типа языка, два параллельно развивавшихся диалекта. Проведенное нами сравнение (с одной стороны взяты сборник рассказов "Цзин бэнь тунсу сяошо" и роман "Шуй ху чуань", с другой - ваньские цзацзюй и "Дань-чао би-ши") показало, что расхождение в их грамматических системах прежде всего и наиболее серьезно проявляется в области местоимений и модальных частиц /12/.

Одним из важных и интересных вопросов грамматики китайского языка является вопрос о частях речи. Этот вопрос решался на материале китайского языка Ш-У вв. с помощью синтаксического критерия. Синтаксический критерий в данном случае понимается как реализация лексико-грамматических свойств слова в его синтаксических связях в предложении и словосочетании /20/. Поскольку в языке Ш-У вв. большинство слов выступает во многих функциях, необходимо было учитывать два момента: а) принимать во внимание всю совокупность функций для каждого слова, б) среди этих функций различать главные и второстепенные, так как только первые являются "диагностическими" и дают возможность отличить слова одного класса от слов другого. Получены 6 классов слов, каждый из которых характеризуется своим набором определяющих и второстепенных функций: 1) слова, обозначающие действия, 2) слова, обозначающие качества, 3) слова, обозначающие предмет в широком смысле, 4) слова, обозначающие характеристику действия или качества, 5) "последологи", 6) слова, обозначающие число /4/.

Помимо истории китайской грамматики у нас велась работа по исторической лексикологии, прервавшаяся с ранней смертью А.А.Торопова. Насколько важна такая работа, можно судить хотя бы по тому, что в настоящее время нет ни теоретических трудов, ни практических пособий для чтения средневековых китайских текстов, написанных на раннем байхуа. Благодаря тому, что теперь появились исследования грамматики средневекового китайского языка, стало возможным и изучение лексики этого периода. Проблема выделения слова в китайском языке осложняется отсутствием формальных признаков словесной границы; вдобавок при исследовании мертвого языка невозможна эмпирическая проверка решений при помощи носите-

лей языка. Поэтому приходится прибегать к формально-смысловым и чисто смысловым критериям слововыделения, в частности, таким, как цельность значения, идиоматичность, устойчивость, морфологическая или синтаксическая цельнооформленность и ряд других /18/.²

Задачам обучения служит хрестоматия по истории китайского языка, включающая образцы текстов III-XV вв., написанных языком, близким к разговорному, и наиболее характерных в хронологическом, локальном и жанровом отношениях; каждый текст сопровождается транскрипцией, русским переводом и необходимым комментарием; хрестоматия содержит также краткие грамматические очерки по основным периодам истории китайского языка и сводный словарь /8/.

Как известно, подлинное проникновение в специфику языка того или иного текста достигается в результате сплошного его прочтения, благодаря чему и появились публикации переводов двух ранее непереволившихся на русский язык памятников - сутры "Бай юй цзин" /1/ и сборника рассказов "Цзин бэнь тунсу сяшо" /17/.

И, наконец, следует отметить публикации (тезисы прочитанных докладов) по некоторым общелингвистическим проблемам с точки зрения их отражения в грамматике изолирующего языка - это, в частности, межуровневые связи, семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами и др. /15/.

Из осуществляемых в настоящее время исследований одно посвящено языку танских юйлу и, следовательно, продолжает находиться в русле того направления, которое было определено с самого начала. Хотя язык танских юйлу был в свое время предметом специального рассмотрения в работах А. Масперо /21/ и Гао Мин-кая /23/, он пока изучен недостаточно, и в последние годы предпринимается более подробное его описание и не только в лингвистическом плане, но и со многих других сторон /3/.

Другое исследование касается вэньяня. История китайского языка будет страдать односторонностью и не сможет быть признана полной, пока не будет подвергнут столь же тщательному и последовательному историческому анализу другой литературный язык - вэньянь, основанный на нормах древнекитайского языка и непрерывно функционирующий во многих сферах официальной коммуникации вплоть до XX века. Вэньянь, как известно, был широко употребителен и за пределами Китая. Его влияние продолжает ощущаться и в наше время - даже современные газеты содержат элементы вэньяня. Известно, что вэньянь - это язык вне времени. Это значит, что в текстах, написанных на вэньяне, одновременно употребляются и тождественно функционируют служебные слова и конструкции, принадлежащие как разным

периодам развития древнекитайского, так и разным его диалектам. Более того, в их языковой системе сосуществуют языковые формы разновременные в более широком плане, то есть относящиеся не только к древнекитайскому периоду в целом, но и к более поздним состояниям языка. Наибольшую сложность, однако, представляют сдвиги, происходящие в грамматических значениях служебных слов древнекитайского языка в процессе их функционирования в вэньяне, а также переосмысление конструкций древнекитайского. Именно это делает современный вэньянь самым трудным для понимания вариантом китайского языка, и как раз эти явления до сих пор ускользали от внимания исследователей, нередко отождествлявших вэньянь с древнекитайским. Поэтому при описании исследуемой разновидности языка особенно внимательно следует относиться к явлениям редким, единичным, то есть к любому отклонению от норм древнекитайского языка, и, соответственно, привлечения большого иллюстративного материала и максимально тщательного его анализа /Ю/.

Таковы в самых общих чертах направление, характер и методика ведущихся у нас работ по истории китайского языка. Хотелось бы теперь коротко остановиться на значении этих работ.

Сейчас, когда вновь усилилось внимание к типологическому изучению языков, эти исследования приобретают интерес для общего языкознания, поскольку типология нуждается в конкретном исследовании путей структурного развития языков разного строя. Данные на этот счет, получаемые на последовательно зафиксированном письменном материале китайского языка, позволяют строить гипотезы относительно течения аналогичных процессов в типологически сходных бесписьменных языках. Методика исследования и описания, разработанная на китайском материале, оказывается полезной при изучении других изолирующих языков.

Вместе с тем изучение истории языка имеет немаловажное значение для исследования истории китайской культуры. Настоящее углубление в историю культуры немислимо без тщательного изучения оригинальных письменных памятников прошлых эпох, но точное их прочтение и адекватная интерпретация невозможны без надлежащего знания истории языка, учитывающего тончайшие грамматические и лексико-семантические изменения от эпохи к эпохе и от жанра к жанру. Иначе неизбежно появление "анахроничных" толкований текста в результате модернизированного или, напротив, архаизированного восприятия отдельных языковых явлений.

Нельзя забывать и о такой, хотя и не стоящей в программе ближайших наших исследований, но весьма важной проблеме, как "язык и

культура". Существование некоторой связи между языком и культурой издавна ощущалось исследователями, хотя до сих пор не удалось достаточно четко выявить ее причины и закономерности. Прямой причинной зависимости здесь, по-видимому, не наблюдается. Тем не менее факты структуры языка и явления культуры так или иначе взаимосвязаны, и изменения в культуре общества находят какое-то опосредованное отражение в языке. В перспективе дальнейшей работы по истории культуры, предполагающей на каком-то из высших уровней общения выделение и описание "нормативных" систем в культурах различного типа, было бы в высшей степени полезно иметь в качестве сопоставительного материала структурные модели важнейших письменных языков на основных этапах их истории.

Примечания

1. Именно потому, что это направление не дублируется ни в одном из востоковедных учреждений нашей страны, во всех необходимых случаях (в том числе для зарубежных изданий) привлекаются сотрудники нашего Отделения. Имеются в виду следующие публикации: И.Т.Зюграф. Среднекитайский язык (3 а.л., для издания "Языки мира"); И.С.Гуревич. Счетные конструкции в китайском языке III-V вв. н.э. 0.75 а.л., АОР, № 4, 1966); И.С.Гуревич. Категория состояния в китайском языке (語言学論丛 , № 1, 1960); И.Т.Зюграф. Некоторые грамматические особенности китайского языка эпохи Сун (0,5 а.л., Sung Studies, Ser. II, 3, Paris, 1984); И.Т.Зюграф, А.С.Мартынов. Советские исследования по культуре Китая IO-I4 веков. 1967-1976 гг. (0,5 а.л., Bulletin of Sung-Yüan Studies, № 17, New York, 1981); И.Т.Зюграф. Об историзме в грамматике и словаре китайского языка (печатается в Индии).
2. Некоторые наблюдения над словом в языке III-V вв. изложены в статье И.С.Гуревич. Что считать словом в китайском языке III-V вв.? - (ПП и ПИКНВ/ХП, ч. II, 1977, с. 239-244); лексике дуньхуанских текстов уделено значительное место в книге Л.Н.Меньшикова. Бяньвэнь по лотосовой сутре (изд. "Наука", М., 1984, с. 104-133).

Литература

1. Бай ой цзин (Сутра ста притч). Перевод с китайского и комментарий И.С.Гуревич. Вступительная статья Л.Н.Меньшикова. "Наука", М., 1986 (Памятники письменности Востока, LXXVI).
2. Бяньвэнь о воздаянии за милости (Рукопись из дуньхуанского фонда Института востоковедения). Часть I. Факсимиле рукописи, исследование, перевод с китайского, комментарий и таблицы

- Л.Н.Меньшикова. Часть 2. Грамматический очерк и словарь И.Т. Зограф. М., 1972 (ППВ, XXXIУ).
3. И.С.Гуревич. Из исторической грамматики эпохи Тан (На материале Линь-цзи лу: грамматический очерк с приложением перевода памятника, снабженного примечаниями) (рукопись); монография. По этой теме опубликованы статьи: Танские буддийские вйлу секты чань как источник для изучения разговорного языка. - Литературы стран Дальнего Востока, М., 1979; Две версии "Сутры Шестого Патриарха". - Общество и государство в Китае, XVI, ч. I, М., 1985; "Сутра Шестого Патриарха": общее и особенное в языке памятника по сравнению с другими вйлу. - ПП и ПИКНВ/ XIX, ч. I, М., 1986.
  4. И.С.Гуревич. Классы слов в китайском языке Ш-У вв. (на материале сутры Бай вй цзин) (рукопись); монография. Опубликовано статьи: Слова со значением места (или времени) в китайском языке Ш-У вв. - ПП и ПИКНВ/ УШ, 1972; Опыт выделения классов слов в китайском языке Ш-У вв. с помощью синтаксического критерия. - ПП и ПИКНВ/ X, 1974; Некоторые особенности предикативов со значением качества в китайском языке Ш-У вв. - ПП и ПИКНВ/ XШ, 1977; Некоторые особенности имен в китайском языке Ш-У вв. - ПП и ПИКНВ/ XIV, 1979; Некоторые особенности глагола в китайском языке Ш-У вв. (на материале сутры Бай вй цзин). - ПП и ПИКНВ/ XV, ч. I(2), 1981.
  5. И.С.Гуревич. О соотношении письменного и разговорного языка в танских вйлу (на материале Линь-цзи лу). - ПП и ПИКНВ/ XI, II, 1975.
  6. И.С.Гуревич. Очерк грамматики китайского языка Ш-У вв. (по переводам на китайский язык произведений буддийской литературы), М., 1974.
  8. И.С.Гуревич, И.Т.Зограф. Хрестоматия по истории китайского языка (Ш-ХУ вв.). М., 1982.
  9. И.Т.Зограф. О месте дуньхуанских бьяньвэней в истории китайского языка и литературы. - ПП и ПИКНВ/ ХУШ, 1985.
  10. И.Т.Зограф. Официальный вэньянь. Система служебных слов (рукопись); монография. Опубликовано статьи: О мере устойчивости значений грамматических слов вэньяня. - ПП и ПИКНВ/ XIX, 1986; О литературной диглоссии в Китае. - Общество и государство в Китае, XVI, 1985.
  11. И.Т.Зограф. Очерк грамматики среднекитайского языка (по памятнику "Цзин бэнь тунсу сяошо"). М., 1962.
  12. И.Т.Зограф. Среднекитайский язык (становление и тенденции раз-

- вития). М., 1979; она же. Среднекитайский язык (к вопросу о периодизации истории китайского языка). - III и ПИКНВ/ XI, ч. 2, 1975; она же. О локальных различиях в языке памятников средневековой китайской литературы. - III и ПИКНВ/ IV, 1968; она же: Счет предметов в среднекитайском языке. - III и ПИКНВ/ XIII, 1977.
13. И.Т.Зограф. Монгольско-китайская интерференция (язык монгольской канцелярии в Китае). М., 1984.
14. И.Т.Зограф. Язык ваньской драмы (рукопись); монография. Опубликованы статьи: Отрицания в языке ваньских пьес. - III и ПИКНВ/ VI, 1970; Личные местоимения в китайских памятниках северной группы (Юань-Мин). - Страны и народы Востока, XI. М., 1971; "Дань-чао би-ши" и пекинский диалект ваньской эпохи. - III и ПИКНВ/ XII, 1977; Жанровые особенности языка среднекитайских текстов. - Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока, УШ, 1978; Конечные модальные частицы в ваньской драме. - Разыскания по общему и китайскому языкознанию. М., 1980; Наречия в среднекитайском языке. - III и ПИКНВ XV, 1981; О лингвистической достоверности минских изданий ваньских пьес. - III и ПИКНВ/ XV, 1981.
15. И.Т.Зограф. Взаимодействие лексики и грамматики в истории изолирующего языка. - Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Волгоград, 1982; Китайский язык: SOV или SVO? - III и ПИКНВ XVII, 1982; Об историзме в грамматике и словаре китайского языка. - Общество и государство в Китае, XIV, 1983; Межуровневые связи и языковая интерференция. - Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Ужгород, 1984; Конструкции с предикатными актантами в среднекитайском языке. - Типология конструкций с предикатными актантами. II., 1985.
17. Пятнадцать тысяч монет. Средневековые китайские рассказы. Перевод с китайского, предисловие и примечания И.Т.Зограф. М., 1962.
18. А.А.Торопов. Лексико-грамматические принципы составления словаря средневекового китайского языка (эпоха Сун). - III и ПИКНВ/ III, 1967; Идиоматичность как один из основных признаков сложных лексических единиц (на материале средневекового китайского языка). - III и ПИКНВ/ V, 1969.
19. С.Е.Яхонтов. Литературный и разговорный китайский язык в VI-XIII вв. н.э. - Жанры и стили литератур Дальнего Востока. Тезисы докладов. М., 1966.
20. С.Е.Яхонтов. Части речи в древнекитайском языке. - Вестник

- ЛГУ, № 14, серия востоковедческих наук, вып. 3. Л., 1960.
21. H. Maspero. Sur quelques Textes anciens de chinois parlé. - Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient, t. 14, № 4. Hanoi, 1914.
22. A. Waley. Chinese-Mongol hybrid Songs.- Bulletin of the School of Oriental and African Studies, vol. XX, 1957.
23. 高名凱. 唐代禪家語錄所見的語法成分 - 燕京學報, 1948, № 34 (Гао Мин-кай. Грамматические элементы, встречающиеся в ийлу секты чань /дхьяна/ эпохи Тан).

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ГУРЕВИЧ ИЗАБЕЛЛА САМОЙЛОВНА (с 1957)

к.ф.н. - 1964: Грамматические особенности китайского языка III-V вв. (по переводам на китайский язык произведений буддийской литературы)

ТОРОПОВ АКИМ АВБАКУМОВИЧ (1961-1969)

ЗОГРАФ ИРИНА ТИГРАНОВНА (с 1954)

к.ф.н. - 1962: Грамматические особенности китайского языка XII-XIV вв. (по памятнику "Цзинь бэнь тунсу сяошо")

д.ф.н. - 1980: Среднекитайский язык (становление и тенденции развития).

И.Н.Карская

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ИРАНА, СРЕДНЕЙ АЗИИ И АФГАНИСТАНА В СЕКТОРЕ СРЕДНЕГО ВОСТОКА ДО ИВ ЗА 1956-1986 гг.

Данный очерк рассказывает о деятельности историков-иранистов за 30-летний период с 1956 года, года основания ДО ИВ АН СССР.^I Основным направлением работы иранистов Сектора традиционно остается описание, публикация и исследование памятников персоязычной литературы и изучение различных проблем истории и культуры народов средневекового Ближнего и Среднего Востока. Публикации текстов с научными комментариями представляют собой значительный вклад в восточное источниковедение и историографию и являются фундаментом всех научных исследований об историческом прошлом народов Востока.

С первых лет деятельности Иранского кабинета основное направление, тон исследовательской работе коллектива задавали наши старшие товарищи - историки И.П.Петрушевский, Н.Д.Миклухо-Маклай, О.И.Смирнова, В.А.Ромодин, А.Л.Троицкая, Г.В.Шитов. Никого из них уже нет в живых, но многие из сегодняшних сотрудников Сектора Среднего Востока были их учениками и все сотрудники испытали благотворное